

ОТ БЕЛОЙ ВОРОНЫ К СЧАСТЬЮ

ИСТОРИЯ ДЕВОЧКИ, КОТОРАЯ НЕ СДАЛАСЬ

Софья Эльберг

**От "белой вороны" к
счастью. История девочки,
которая не сдалась**

«Автор»

2026

Эльберг С.

От "белой вороны" к счастью. История девочки, которая не сдалась
/ С. Эльберг — «Автор», 2026

История взросления девочки, которой пришлось столкнуться с отчуждением и непониманием. Прозвище белая ворона стало для неё не клеймом, а отправной точкой долгого пути к принятию себя. На этом пути героиня учится различать истинную доброту, опираться на собственные силы и не терять надежду даже в самые тёмные времена. Её история — о стойкости, внутренней свободе и о том, что счастье начинается с умения оставаться верным себе. Книга о преодолении, взрослении и силе человеческого духа.

© Эльберг С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

От "белой вороны" к счастью. История девочки, которая не сдалась

Глава

Вступление

Я не помню, в какой именно момент эта невидимая стенка появилась. Может, она была всегда — тонкая, прозрачная, но такая прочная, что сквозь неё не пробиться ни криком, ни слезами, ни даже самыми отчаянными мечтами. В этой книге я расскажу, как годами скользила вдоль неё, убеждая себя, что тут безопасно. Что за этой границей — хаос, боль, ошибки, которые не исправить. Что лучше стоять на месте, чем шагнуть и разбиться.

А потом наступил день, когда я вдруг поняла: я устала быть по эту сторону. Устала смотреть на мир сквозь искажающее стекло, где всё казалось чуть-чуть не таким, как на самом деле. И тогда я сделала этот шаг. Всего один. Но он отозвался эхом в каждой клетке моего тела, запустил цепочку событий, которую уже не остановить.

Этот шаг превратил меня из «скунса», которого все обходили стороной, в кого-то, кого начали замечать. Он стоил шести чашек кофе, выпитых в попытках справиться с мыслями, и привёл к последствиям, о которых я не могла и помыслить. Он завис между «до свидания» и «возможно», между прошлым и будущим, между страхом и надеждой. И именно он доказал мне: невозможное возможно.

Это моя история. История о том, как одна секунда может перевернуть всю жизнь. И о том, что иногда самый страшный шаг — это и есть начало самого прекрасного пути.

Глава 1: Невидимая стенка и один шаг наружу

Моё детство было похоже на яркую мозаику: в ней переплелись безграничная любовь, первые горькие обиды, неожиданные повороты судьбы и упрямое желание не сдаваться. Я росла в семье, где каждый день ощущался как маленький праздник — рядом были любящие родители, а ещё младшая сестрёнка, которую я обожала и о которой старалась заботиться, будто уже тогда чувствовала ответственность за тех, кто слабее. Мы смеялись, придумывали игры, делились секретами, и казалось, что впереди только свет и радость.

Но жизнь умеет подкрадываться тихими тревогами. В какой-то момент мне стало казаться, что я получаю меньше внимания, чем раньше, — будто невидимая дверь чуть-чуть прикрылась, и я осталась по ту сторону. Именно тогда на коже появились первые пятна псориаза — словно тело решило вслух проговорить то, о чём я боялась сказать сама. Но даже это не могло надолго погасить мой внутренний свет. Я оставалась той самой неутомимой девочкой, которая рвалась участвовать во всех конкурсах, не знала, что такое стеснение, и с восторгом встречала праздники. Особенно Новый год: я заучивала огромные стихотворения, чтобы рассказать их Деду Морозу. И дело было вовсе не в подарке — хотя, конечно, он был приятным бонусом. Главное — видеть, как загораются глаза родителей, как они гордятся мной, как в эти мгновения я снова становилась для них самой важной. У меня была поразительная память, и, кажется, я хранила в ней не только слова, но и каждую эмоцию, каждый тёплый взгляд.

Родители смотрели на меня и не могли поверить своему счастью: я рано научилась читать, писать, считать — настоящая девочка-вундеркинд. И тогда они приняли решение, которое казалось логичным, но обернулось испытанием: отдать меня в школу в шесть лет. Все одноклассники оказались старше на год-два, и я сразу почувствовала себя не просто маленькой, а чужой. А потом случилась первая влюблённость — в самого красивого, по моему детскому мнению, мальчика. Моё сердце замирало при его появлении, но чувства остались без ответа. Хуже того, он первым назвал меня «скунс», и эта обидная кличка, словно вирус, быстро раз-

летелась среди мальчишек — большинство подхватили, будто это была новая игра, в которой мне отводилась роль мишени.

Каждый день превращался в полосу препятствий. Самооценка падала, а здоровье подводило всё сильнее — именно тогда впервые проявилась эпилепсия. Дни тянулись одинаково серо: я ни с кем не общалась, сидела в углу класса, стараясь стать невидимой. Но я не была одна: дома меня ждали родители и сестрёнка — их любовь была моим якорем. А ещё была первая учительница — чуткая, внимательная, она замечала каждую мою слезинку и старалась поддержать добрым словом или маленьким жестом заботы. Родители пытались бороться с травлей, ходили в школу, разговаривали, но ситуация не менялась. Тогда они приняли ещё одно непростое решение — перевести меня в другой класс.

В новом классе меня встретила ещё одна замечательная учительница, которая также мне помогала и поддерживала — казалось, будто судьба специально посылала мне этих людей, чтобы я не потеряла веру в добро. Но и здесь я оставалась «белой вороной»: не вписывалась в компании, не умела легко заводить разговоры, чувствовала себя чужой. Долгое время я почти ни с кем не разговаривала и держалась в сторонке, будто пряталась за невидимой стенкой. С Настей мы подружились не сразу, но однажды это случилось: она оказалась такой весёлой, открытой и настоящей душой компании. С ней я впервые за долгое время почувствовала, что меня принимают просто так, без условий. Мы болтали, смеялись, строили планы, и постепенно моя самооценка начала потихоньку расти — не до небес, но достаточно, чтобы снова поднять голову.

Так пролетели годы — от робкой первоклашки до выпускницы. Всё это время во мне жила мечта — стать певицей. Голос был, слух был, а вот смелости не хватало. Страх сцены сковывал так сильно, что даже мысль о выступлении заставляла дрожать колени. Но выпускной вечер стал переломным моментом: я решила бросить вызов своему страху. И выступила. Это было не идеально, не грандиозно, но это было моё маленькое, но такое важное «я могу». Правда, стать профессиональной певицей мне так и не довелось — болезнь не позволяла выдерживать нагрузки, график, стрессы. Но я не отказалась от музыки: теперь я с огромным удовольствием пела в караоке, и, как ни странно, именно там чувствовала себя по-настоящему свободной.

Сам выпускной оказался не таким, каким я его себе представляла. Я ловила взгляды, надеялась, что кто-нибудь пригласит меня на медленный танец, верила, что этот вечер станет началом чего-то нового. Но никто не подошёл. И в ту минуту самооценка снова дрогнула, будто кто-то тихо шепнул: «Ты не такая, как все».

Настал момент выбора будущего. Я металась между вариантами, не зная, куда идти. И тут снова на помощь пришли родители. Отец работал в престижной фирме, и семья решила, что мне стоит пойти по его стопам — это казалось надёжным путём, гарантией стабильности и успеха.

И вот я стою на перепутье — не с пустыми руками, а с целым багажом переживаний, побед и поражений. С памятью о тех, кто поддерживал, с болью от тех, кто ранил, и с мечтой, которая просто сменила форму. История ещё не закончена — она только набирает обороты.

Глава 2 - От «скулса» до «богини»

Где-то посередине обучения во мне начал просыпаться человек, которого я раньше не знала. Самооценка, долго прятаясь в тени чужих слов, наконец начала подниматься — и это радовало до мурашек. Неожиданно опорой стали отношения с юношей. Они вспыхнули ярко, как бенгальский огонь, и так же быстро догорели. Но мы сумели не растерять уважение друг к другу: разошлись мирно и даже продолжили общаться, будто между нами никогда не было ни драмы, ни слёз.

Когда я получила диплом, передо мной распахнулся огромный мир — и тут же слегка прихлопнул дверь. Жизнь начала диктовать свои условия. Проблемы со здоровьем обрुбили

многие пути, и я оказалась в странном, зыбком пространстве: наполовину в четырёх стенах, наполовину — в мечтах о будущем. Родители не запирали меня дома, не ставили запретов, но просили быть на связи — и в этой просьбе слышалась не опека, а тихая тревога. Половину времени я пряталась дома и чувствовала себя как Рапунцель: не потому, что нельзя было выйти, а потому, что снаружи всё гремело и слепило, и я просто не хотела туда.

Шли годы. Я училась заново доверять себе. И в какой-то момент меня накрыло внезапное, почти необъяснимое желание — прийти к тому самому парню, который когда-то облил меня грязью. Владимир. В юности он был для меня целым миром, а потом одним словом — «скунс» — превратил этот мир в руины. Тогда это задело до глубины души: я ведь была в него влюблена, смотрела на него снизу-вверх, а он просто растоптал это чувство. Помню, как в тот момент промелькнула мысль: «Если бы можно было вернуться в прошлое, я бы не заплакала. Я бы рассмеялась и сказала: „Ну ты и шутник!“ Но тогда я не рассмеялась. Я просто сжалась и ушла.

И вот теперь я стояла у его двери. Не для мести. Для чего-то другого, чему ещё не придумала названия.

Он очень удивился, увидев меня. Ещё не женат, немного растерянный, он ради приличия пригласил зайти на чай. Первые фразы звучали как заученные: «как дела?», «всё нормально». Пауза повисала и дрожала, будто мы боялись спугнуть момент. В наших улыбках сквозила натянутость: мы были чужими, чтобы вести себя естественно, и недостаточно чужими, чтобы окончательно забыть, какими были раньше.

Когда я стала собираться домой, внутри всё сжалось от предвкушения. Я спросила, можно ли сказать ему кое-что, и в его взгляде мелькнуло любопытство пополам с настороженностью. Он согласился не перебивать — и я начала говорить. Одевалась я медленно, почти нарочно растягивая секунды, чувствуя, как воздух между нами становится гуще. Его взгляд сделался надменным, почти непроницаемым, но я видела: ему интересно. Очень.

— Знаешь, Владимир, — начала я, и голос мой звучал спокойнее, чем я ожидала, — когда мы учились в одном классе, я была в тебя влюблена. Мне хотелось услышать хоть слово взаимности, хоть намёк на то, что я для тебя что-то значу. А вместо этого ты обзывал меня. Кажется, это было слово... «скунс». Как же мне тогда было больно! Большинство девочек эмоциональны, и я не исключение. Я обиделась, даже возненавидела тебя, но держала это в себе, потому что признаться в обиде значило признать, что ты имеешь надо мной власть. А я не хотела этого признавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.